

A close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair and light brown eyes. She is wearing a red lace top with a high collar. The background is dark and out of focus.

Жанна Гарнье

**Любовь и
мечь**

18+

Жанна Гарнье

Любовь и месть

<https://litres.ru/73968163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сквозь годы она несла под сердцем боль, там же пряталась любовь, что пересилит, что будет для нее важнее: любовь или месть... История сильной женщины, которая сама кузнец своей судьбы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Любовь и месть

Глава

Глава 1. Город на костях

Вагон качнуло на стрелке, и Наталья Васильевна Вепрева, не открывая глаз, поняла: приехали. Она знала этот глухой удар колёс — последний сброс скорости перед самым вокзалом. Восемнадцать лет назад она уезжала отсюда точно таким же поездом, только в обратную сторону. Сидела у окна, сжимая в кулаке некупленный билет и глотая слёзы, которых никто не видел. Теперь она возвращалась.

Она открыла глаза. За стеклом купе проплывали те же тополя, те же серые панельные пятиэтажки с облупившейся краской на балконах. Вокзал — всё такой же низкий, приземистый, с вывеской «Ветрогорск» и буквой «р», которая уже тридцать лет висела криво. Ничего не изменилось.

Город не меняется. Меняются только люди, и то не всегда.

Наталья медленно выпрямилась на полке. Спала она в одежде — тёмно-синем брючном костюме, в котором обычно ездила на совещания. Белая блузка чуть помялась у ворота, но это не страшно: до прокуратуры она всё равно не поедет сегодня, только заселится в гостиницу. Завтра — первый день. Сегодня — просто вернуться.

— Мам, мы уже приехали?

Голос — сонный, чуть хриловатый — раздался с нижней полки напротив. Наталья посмотрела вниз. Даша — почти семнадцать, длинные тёмные волосы разметались по подушке, глаза ещё заспанные, но уже с той взрослой настороженностью, которая появляется у детей, когда они чувствуют, что матери не по себе. Даша спала в джинсах и толстовке, укрывшись пледом, который Наталья купила перед отъездом в переходе.

— Приехали, — сказала Наталья как можно спокойнее. — Ветрогорск. Двадцать минут стоянки, можно не торопиться.

— Ну наконец-то. — Даша села, потянулась, хрустнув позвоночником. — Я уже этот поезд ненавижу. Сутки тряслись.

Наталья не ответила. Она смотрела в окно, туда, где за путями угадывался старый парк — тот самый, где они с Сашей... нет. Не сейчас. Не думать.

Восемнадцать лет она не ездила сюда даже транзитом. Восемнадцать лет она вычёркивала из памяти каждую улицу, каждый перекрёсток, каждую скамейку в сквере у фонтана. А потом пришёл приказ — и всё пошло прахом.

Приказ из прокуратуры края пришёл четыре недели назад, когда она уже начала привыкать к мысли, что можно выдохнуть. Она была старшим помощником прокурора в Новороссийске (тот, что за тысячу вёрст отсюда, на юге), её котировали, хвалили, прочили собственное кресло в районном центре поприличнее. Но вместо этого — перевод в Ветро-

горск. Заместитель прокурора края по надзору за следствием. Карьерный скачок, спору нет. Только вот скачок этот пришёлся прямо на старые шрамы.

— Отказаться не могла, — вслух сказала она, и Даша подняла бровь.

— Что?

— Ничего. Собирай вещи.

Даша не стала переспрашивать. Она давно научилась не лезть к матери с вопросами, когда та разговаривает сама с собой. У них были сложные отношения — не плохие, нет, но такие, в которых слишком много несказанного. После развода с отцом Даши, Андреем, Наталья стала ещё замкнутее. Она отдавала дочери всё, что могла: внимание, время, деньги на нормальную одежду и репетиторов. Но правду о себе — о том, что с ней случилось здесь, восемнадцать лет назад, — она не рассказывала никому. Даже мужу. Особенно мужу.

Андрей не выдержал. Ушёл два года назад, хлопнув дверью, с криком: «Ты как стена! С тобой невозможно жить! Я тебя за десять лет ни разу не видел плачущей! Ты что, каменная?!» Он не понимал, что каменной она стала задолго до него. И не из гордости — из страха. Если бы она позволила себе расплакаться тогда, сразу, в восемнадцать лет, слёзы бы не кончились никогда. Проще было заморозить всё. Заморозить и жить дальше.

Она жила. Поступила в юридический в другом городе, окончила с красным дипломом, пошла в прокуратуру. Встре-

тила Андрея — нормального, неглупого, терпеливого. Родила Дашу. Получила повышение, потом ещё одно, потом ещё. Андрей отставал, злился, пил, потом перестал пить и просто ушёл. К молодой, из отдела продаж. Наталья не ревновала. Она вообще почти ничего не чувствовала, кроме работы.

Работа была её наркотиком. И её убежищем.

Поезд дёрнулся и остановился окончательно. С перрона потянуло запахом мокрого асфальта и жареных пирожков — тем самым, ни с чем не сравнимым запахом всех российских вокзалов. Наталья взяла с полки свой неизменный кожаный саквояж, с которым не расставалась последние десять лет, и помогла Даше спустить огромный рюкзак.

— Я сама, — буркнула дочь, натягивая рюкзак на плечи.

— Ты когда перестанешь трястись надо мной?

— Когда перестанешь влезать в драки в школе. — Наталья говорила без улыбки, но в голосе мелькнула тень тёплого.

— Это была не драка. Это была защита чести.

— Вот в прокуратуре расскажешь.

Даша фыркнула, но беззлобно. Она была похожа на отца — русая, с широко посаженными зелёными глазами и веснушками, которые она терпеть не могла. Но упрямство и прямая спина — это от матери. Наталья знала, что дочь никогда не позволит сделать с собой то, что сделали с ней. И от этого ей становилось легче. И страшнее одновременно.

Они вышли на перрон. Ветрогорск встретил их серым мартовским небом, холодным ветром с залива и привычной

суетой. Носильщики толкали тележки, проводницы курили у последнего вагона, где-то плакал ребёнок. Обычный день в обычном городе.

Наталья остановилась посреди перрона и глубоко вдохнула. Город не узнал её. Город забыл. А она не забыла ничего.

Она помнила их лица. Не имена — имена она вытравила из памяти, как вытравливают чернила, заливая их белилами. Но лица — молодые, наглые, пьяные, уверенные в своей безнаказанности — она помнила до синих прожилок под веками. Один был сыном тогдашнего мэра. Второй — племянником судьи областного суда. Третий — внуком Героя Социалистического Труда, у которого были такие связи, что о них даже шептаться боялись.

Она не заявила. Потому что знала: они не сядут. А она встанет клеймом на всю жизнь. «Сама виновата», «гуляла поздно», «оделась вызывающе». Она не гуляла. Она шла от Саши после вечернего кино. Ей был двадцать один. Она была в джинсах и свитере. Это не имело значения.

Уже не имело.

Сейчас у неё за плечами — карьера, власть, должность заместителя прокурора края. У неё есть право заводить дела, давать поручения, требовать, проверять, наказывать. Её назначили сюда не случайно — она знала это нутром. Кто-то наверху хотел вскрыть старые гнойники.

Или кто-то хотел посмотреть, как она споткнётся.

— Мам, — Даша тронула её за локоть. — Ты чего засты-

ла? Машина вон, кажется, наша.

Наталья подняла голову. На площади перед вокзалом стояла тёмная «Волга» с хромированной решёткой радиатора. Рядом, опершись на капот, стоял молодой парень в штатском, но с выправкой военного. Увидев их, он выпрямился и шагнул навстречу.

— Наталья Васильевна? — спросил он, подходя. — Вас встретить поручено. Старший лейтенант юстиции Глеб Костров, следователь по особо важным делам. Прокурор края просил передать, что он ждёт вас завтра в десять утра. А сегодня — распорядился помочь с жильём и документами. И, — он чуть заметно улыбнулся уголком губ, — показать город, если захотите.

Наталья кивнула, не глядя на него. Она смотрела мимо, туда, где за вокзалом начинался старый центр. Где была школа, где преподавал Саша. Где был зал самбо, где он тренировал мальчишек. Где они целовались на лавочке у фонтана, и он говорил ей: «Ты самое лучшее, что со мной случилось».

— Отвезите нас в гостиницу, — сказала она коротко. — Дочка устала с дороги.

Даша снова фыркнула, но промолчала. Глеб Костров открыл заднюю дверцу, помог Даше забраться с рюкзаком, потом придержал дверь для Натальи. Она села, положила саквояж на колени, закрыла глаза.

Машина тронулась.

Восемнадцать лет она строила новую жизнь на руинах ста-

рой. И вот теперь её заставили вернуться на стройку.

Город Ветрогорск принял её обратно молчанием. И это молчание было хуже любых угроз.

Глава 2. Чужие стены

Гостиница «Ветрогорск» оказалась именно такой, какой Наталья её и помнила: обшарпанный вестибюль с плиткой восьмидесятых, ресепшн из коричневого пластика, запах хлорки и капустных пирожков из столовой на первом этаже. Ничего не изменилось. Даже портье оказалась той же — тётя Зина, теперь с перманентом и уставшими глазами, которая двадцать лет назад сдавала номера командировочным и влюблённым парочкам.

— Одноместный и двухместный? — уточнила тётя Зина, вода пухлым пальцем по журналу регистрации.

— Двухместный для меня и дочери. — Наталья положила на стойку паспорт и служебное удостоверение. — Смежные номера есть?

— Есть, пятый и седьмой, через коридор. У нас тут все смежные, если что. — Тётя Зина подняла глаза, скользнула взглядом по удостоверению и вдруг замерла. — Господи... Наташка? Наташка Вепрева?

Наталья внутренне сжалась, но лицо не дрогнуло.

— Наталья Васильевна, — поправила она ровно. — Да, я родом отсюда.

— Ну надо же! — Тётя Зина всплеснула руками, и на стой-

ку брызнула вода из-под крана, который она забыла закрыть. — А я тебя сразу и не признала. Ты ж какой выросла! А серьёзная какая, прямо грозная. Говорят, ты там, в прокуратуре... — Она не закончила, поймав взгляд Натальи. — Извините, Наталья Васильевна. Ключи сейчас.

Даша наблюдала за этим спектаклем с лёгкой усмешкой. Когда тётя Зина отвернулась к стойке с ключами, Даша тихо спросила:

— Тебя здесь все знают?

— Уже нет, — ответила Наталья. — И слава богу.

Они поднялись на второй этаж. Номера оказались не новыми, но чистыми — занавески выстираны, постельное бельё свежее, в вазе на столе лежала шоколадка. Наталья мысленно поблагодарила Глеба — он явно предупредил гостиницу, кто приезжает. Машина ждала внизу, парень не навязывался, но держался поблизости. Это настораживало. И одновременно успокаивало.

Даша плюхнулась на кровать в своём номере (седьмом, через коридор) и вытянула ноги.

— Мам, а почему мы вообще не сняли квартиру? У тебя же теперь высокая должность. Или тут так плохо с жильём?

— Служебная квартира будет готова через три дня. — Наталья поправила занавеску, хотя та и так висела ровно. — Пока — гостиница.

— Ты избегаешь вопроса.

Наталья обернулась. Даша смотрела на неё с той настой-

чивостью, от которой у Андрея когда-то лопалось терпение.

— Какого вопроса? — холодно спросила Наталья.

— Почему ты не хотела сюда ехать. — Даша не отвела взгляд. — Я не слепая. Ты месяц ходила как на эшафот. Ни разу не сказала «я рада», ни разу не улыбнулась при разговоре о переводе. А вчера в поезде ты не спала почти всю ночь — я слышала.

Наталья молчала. Она знала, что этот разговор рано или поздно случится. Она готовила ответы, репетировала их перед зеркалом — гладкие, взрослые, уклончивые. «Карьерный рост», «ответственность», «приказ есть приказ». Но сейчас, глядя на дочь, которая была слишком умна для своих шестнадцати, она вдруг поняла: Даша не купится.

— Когда-нибудь, — сказала Наталья тихо, — я тебе расскажу. Не сейчас. Пожалуйста. Дай мне время.

Даша несколько секунд изучала её лицо. Потом кивнула один раз — коротко, по-взрослому — и отвернулась к окну.

— Ладно. Но ты не думай, что я не замечаю.

— Я и не думаю.

Наталья вышла в коридор, прикрыла за собой дверь и прислонилась лбом к прохладной стене. Она не плакала. Она разучилась плакать восемнадцать лет назад. Но внутри всё сжималось в тугую, болезненный узел.

Следующий день начался в 6:30. Наталья встала до будильника, приняла контрастный душ, надела строгий тёмно-серый костюм, блузку без единой складки, туфли на низ-

ком каблуке. Волосы — в низкий пучок. Макияж — минимальный: тональный крем, тушь, помада цвета спелой вишни. Она выглядела на сто процентов. Она всегда выглядела на сто процентов, когда предстоял бой.

— Я в прокуратуру, — сказала она Даше, заглянув в номер. — Завтрак в ресторане за мой счёт. До обеда сиди в гостинице, город потом посмотрим.

— Мне шестнадцать, а не шесть, — буркнула Даша из-под одеяла. — И у меня ноутбук. Я уроки сделаю.

— Вот и сделай.

Наталья спустилась вниз. У входа её уже ждала «Волга» с Глебом за рулём. Сегодня он был в форме — старший лейтенант юстиции, при погонах, подтянутый, с аккуратным ежиком тёмно-русых волос. Лет двадцать семь, не больше. Но взгляд — цепкий, спокойный, без мальчишеской горячности.

— Доброе утро, Наталья Васильевна. — Он открыл перед ней дверь. — Прокурор края назначил встречу на десять. Сейчас — полвосьмого. Заедем позавтракаем или сразу в здание?

— Сразу в здание. — Наталья села на заднее сиденье. — Я не завтракаю по утрам.

Глеб не прокомментировал. Только кивнул и плавно вывел машину с гостиничной парковки.

Прокуратура края располагалась в сталинском здании на центральной площади — массивном, сером, с колоннами и

гербом на фронтоне. Наталья знала это здание по детству: здесь работал её дед, прокурор района, который умер от инфаркта, когда ей было тринадцать. Дед был честным. Дед не брал взятки. Дед научил её, что закон — это не палка, а щит.

Дед умер в 1996-м. В том самом году, когда мальчики в кабинетах решили, что закон для них не писан.

Глеб провёл её через пропускной пункт — пост охраны, турникеты, электронные ключи. Внутри пахло старым деревом, мастикой для пола и канцелярией. Наталья шла по коридору, не глядя по сторонам, хотя каждый чих здесь мог быть для неё важен.

Кабинет прокурора края находился на третьем этаже, в конце длинного коридора с высокими потолками. Глеб постучал, приоткрыл дверь и доложил:

— Владимир Андреевич, заместитель прибыла.

— Входите.

Голос — негромкий, с хрипотцой, но уверенный. Наталья перешагнула порог и увидела мужчину лет пятидесяти, коренастого, с седой щетиной и тяжёлым подбородком. Он сидел за огромным столом без единого лишнего предмета — только компьютер, папка с гербом и стакан с чёрными ручками. Одет просто: тёмный костюм, галстук-«восьмёрка» синего цвета. Ни колец, ни запонок. Человек, который не нуждается в украшениях.

— Вепрева Наталья Васильевна, — представилась она, подходя к столу.

— Знаю, — он не встал, но кивнул на стул напротив. — Садитесь. Кофе? Чай? Водка с утра не предлагаю, у нас не девяностые.

Наталья села, положив руки на колени. Позу выбрала открытую, но спокойную.

— Чай, если можно. Без сахара.

Прокурор — Владимир Андреевич Корсаков — нажал кнопку селектора и бросил: «Чаю для Вепревой». Потом откинулся в кресле и впервые посмотрел на неё в упор. Взгляд у него был тяжёлый, водянисто-серый, но не злой. Оценивающий.

— Знаете, почему я вас сюда выписал? — спросил он без предисловий.

— Потому что я квалифицированный специалист с двенадцатилетним стажем и положительными характеристиками, — ответила Наталья так же прямо. — В том числе от## прокурора Новороссийска.

— Это формальная причина. — Корсаков усмехнулся краем рта. — А реальная: мне нужен человек, который ничего не боится. И которому нечего терять.

Наталья внутренне напряглась, но виду не подала.

— С чего вы взяли, что мне нечего терять?

— Я навожу справки, — спокойно сказал Корсаков. — Вы разведены. Дочь — почти взрослая. В этом городе у вас ни родственников, ни друзей, ни жилья, ни даже кошки. И при этом у вас репутация принципиального следователя, ко-

торый не брал взяток и не давал спуску даже своим. — Он сделал паузу. — Меня самого назначили четыре месяца назад. Знаете, что я здесь увидел?

Наталья молчала. Она знала, что вопрос риторический.

— Систему, которая гниёт изнутри двадцать лет, — продолжил Корсаков. — Крышевание, откаты, мёртвые дела, свидетелей, которые «передумали» давать показания, и судей, которые читают приговоры по указке. Я не могу один. Мне нужна команда. Вы — первый кирпич.

Чай принесли в тонком стакане с подстаканником — старомодном, с позолотой. Наталья взяла его, отхлебнула маленький глоток. Обожгла губы, но не поморщилась.

— Владимир Андреевич, я ценю откровенность. Но вы же понимаете: я не знаю вас. Вы не знаете меня. Назначая меня на должность, вы рисковали. Почему именно я? Кто вас на меня вывел?

Корсаков помолчал. Потом встал, подошёл к окну, за которым открывался вид на площадь с памятником Ленину и серое мартовское небо.

— Вас никто не выводил. — Он повернулся к ней. — Я прочитал пять ваших дел. Те, что были в открытом доступе, и два — которые мне переслали из Генеральной. Там, где вы настояли на аресте вице-мэра Новороссийска, несмотря на давление сверху. И где вы добились обвинительного приговора по делу о торговле детьми. — Он вздохнул. — Таких, как вы, единицы. А если вы спросите, зачем я рискнул, — я

ответчу: потому что игра не стоит свеч. Она стоит жизни.

Наталья поставила стакан на стол. Внутри что-то дрогнуло — не страх, не радость, а что-то похожее на уважение. Редкое чувство. Она привыкла, что начальники либо используют её, либо боятся. Этот, кажется, делал ставку.

— Я приму должность, — сказала она. — Но с одним условием.

— Каким?

— Вы не будете меня останавливать. Если я начну копать — вы не скажете «хватит». Если я принесу дело против кого-то из «неприкасаемых» — вы не положите его под сукно. Иначе я уйду сама. И уйду громко.

Корсаков смотрел на неё долгую минуту. Потом вдруг улыбнулся — по-настоящему, с морщинками в уголках глаз.

— А ведь говорят, бабы не умеют договариваться. — Он протянул руку. — Идёт, Вепрева. Только вы даже не представляете, во что ввязываетесь.

— Представляю, — ответила она, пожимая его широкую сухую ладонь. — Я отсюда родом.

Корсаков отпустил её руку, и взгляд его стал серьёзнее.

— Тогда вы знаете, что в этом городе есть фамилии, которые не трогали даже при советской власти. Местные князьки. Кому-то — шестьдесят, кому-то — сорок, но их отцы и деды держали район за горло ещё до войны. Я сейчас говорю о Пантелееве, Баркове и Черепанове.

Наталья похолодела.

Она помнила эти фамилии.

Пантелеев — тогда ещё старший сын мэра, сейчас — владелец сети торговых центров и, по слухам, народный избранник. Барков — племянник того самого судьи, ушёл в риелторский бизнес, скупил полгорода. Черепанов — внук Героя, теперь депутат краевого заксобрания, неприкасаемый, как мавзолей.

Она помнила их лица. Она их не забыла.

— Я знаю, — сказала она, и голос её прозвучал глухо, будто из колодца.

Корсаков прищурился, но переспрашивать не стал. Лишь кивнул:

— Добро пожаловать домой, Наталья Васильевна. Рабочее место — этажом ниже, кабинет двадцать четыре. Глеб Костров будет помогать по особо важным поручениям. Вопросы?

— Пока нет.

— Зря. Они появятся уже после обеда.

Наталья вышла из кабинета с железным привкусом во рту. В коридоре её ждал Глеб — спокойный, вышколенный, с папкой в руках.

— Ваш кабинет, Наталья Васильевна. И, — он чуть запнулся, — ваша дочь сейчас в вестибюле. Сказала, что у неё «дела к маме». Я предложил подождать в машине, но она отказалась.

Наталья прикрыла глаза. Даша.

— Пусть ждёт, — сказала она устало. — И, Глеб... Спасибо, что встретили. И за гостиницу. И за шоколадку.

Он коротко кивнул, не улыбнувшись, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Работа, Наталья Васильевна. Моя работа.

Они спустились на второй этаж, и Наталья вошла в кабинет №24 — просторную комнату с высокими окнами, столом, стеллажами и портретом президента на стене. За окном шумел Ветрогорск, тот самый, которого она боялась восемнадцать лет.

И теперь она была его прокурорской надзирательницей.

Ирония судьбы — вещь жестокая. Но Наталья Вепрева не боялась жестокости. Она боялась только одного — что прошлое, которое она заморозила, оттаяет и зальёт всё вокруг.

А оно уже оттаивало. Потому что в городе, где жили Пантелеев, Барков и Черепанов, новости о новом зампрокурора разлетаются быстрее, чем птицы. И они уже знали, кто вернулся.

Глава 3. Тополя и старый асфальт

После разговора с Корсаковым Наталья провела в кабинете ещё три часа. Знакомство с документами, подпись под приказом о вступлении в должность, короткий селектор с начальниками отделов. Глеб принёс папку с текущими делами края — убийства, экономические преступления, жалобы на следствие. Она пробежала глазами первые страницы, отме-

тив про себя три дела, которые пахли «заказняком», и одно, которое вообще не имело права там лежать — слишком мелкое для уровня края.

— Это кто прислал? — спросила она, ткнув пальцем в тоненькое дело с пометкой «Изнасилование, ст. 131 УК РФ».

Глеб заглянул через плечо.

— Районная прокуратура, город Ветрогорск-2. Жертва — местная, потерпевшая написала заявление, потом отказалась. Дело закрыли за отсутствием состава.

— Почему оно у меня?

— Потому что прокурор края сказал: «Вепрева разберётся». Ваше профильное — надзор за следствием. Вот и разбирайтесь.

Наталья захлопнула папку. В груди заныло — глухо, тянуще, как старая боль перед дождём. Она знала этот механизм: девочка написала заявление, потом её «уговорили» передумать. Родители, участковый, «друзья семьи». А дело отправили в архив, и никто не спросил, почему потерпевшая вдруг молчит.

— Оставьте, — сказала она. — Я посмотрю позже.

К обеду она почувствовала, что потолок давит. В Новороссийске она могла работать по двенадцать часов без перерыва — там не было прошлого, там была только работа. Здесь каждый коридор, каждый скрип половиц напоминал о том, что она чужая в этом здании. И своя одновременно.

— Глеб, — позвала она, выходя в приёмную. — У вас есть

дела до вечера?

— Только быть при вас, — ответил он, вставая из-за стола.

— Корсаков приказал.

— Тогда отвезите нас с дочерью в центр города. Хочу пройтись.

— Погода не очень, — осторожно заметил Глеб. — Ветер, дождь обещали.

— Тем лучше. Меньше людей.

Он не спорил. Через пятнадцать минут они забрали Дашу из гостиницы — та сидела в лобби с ноутбуком на коленях и пила кофе из пластикового стаканчика, хотя Наталья запрещала ей кофе до восемнадцати.

— В машину, — коротко бросила Наталья.

— Здравсьте, я тоже рада вас видеть, — парировала Даша, но ноутбук закрыла.

Глеб улыбнулся краешком губ — чуть заметно, но Даша это заметила и улыбнулась в ответ. Наталья сделала вид, что ничего не видит.

Они поехали по улице Ленина, мимо старой городской администрации, мимо Дома культуры с колоннами, мимо рынка, где торговали мясом и контрафактными джинсами. Глеб вёл машину аккуратно, негромко, не лез с разговорами. Наталья смотрела в окно и молчала.

— Остановите здесь, — сказала она неожиданно для себя.

Глеб припарковался у сквера. Того самого.

Сквер был почти неузнаваем: новые плиточные дорож-

ки, лавочки с коваными спинками, фонтан, который работал только летом. Но тополя остались теми же — высокими, шумными, с вечно падающим пухом. И скамейка под старым дубом — новая, конечно, но место то же.

— Мам, мы гуляем или дышим? — Даша вылезла из машины, натянула капюшон. Моросил мелкий, противный дождь.

— Гуляем, — ответила Наталья, не двигаясь с места. — Только недалеко.

Она пошла по аллее, и каждый шаг отдавался в позвоночнике эхом другой жизни. Здесь она бежала на свидание, опоздав на пятнадцать минут, и Саша ругался, но смеялся. Здесь они ели мороженое — она клубничное, он шоколадное. Здесь он впервые поцеловал её под фонарём, и фонарь тогда мигал, будто от смущения.

— Ты чего застыла? — Даша заглянула ей в лицо. — Ты плачешь?

— Нет, — резко сказала Наталья. — Дождь в лицо.

Даша не поверила, но промолчала. Они прошли мимо фонтана, мимо киоска с квасом (закрыт), мимо кустов сирени, которые ещё не цвели. Наталья свернула налево, к старой липовой аллее, и вдруг остановилась как вкопанная.

Здесь.

Это был тот самый поворот. Тот самый фонарный столб — его, кажется, не меняли, только переокрасили в тёмно-зелёный. И тот самый подъезд — вон, с облупившейся дверью

и кнопкой домофона, которая не работала никогда.

Дом, где они её ждали.

Восемнадцать лет назад отсюда вышли трое. Пьяные, наглые, улыбающиеся. Она шла от Саши, поздно, почти двенадцать. Шла быстро, потому что знала: в этом районе небезопасно. Но они оказались быстрее.

— Мам? — голос Даши прозвучал встревоженно. — Мам, тебе плохо?

— Всё в порядке, — выдохнула Наталья, заставляя себя отвести взгляд от подъезда. — Просто... вспомнила кое-что.

— Что? Ты когда-то здесь жила?

— Нет. — Наталья повернулась и пошла обратно к машине, не оглядываясь. — Здесь я бывать не хочу.

Даша догнала её, взяла за локоть — Наталья не отдернула руку, хотя обычно не терпела прикосновений. Глеб издали наблюдал за ними, прислонившись к капоту «Волги». Ветер трепал его волосы, но он стоял неподвижно, как часовой.

Когда Наталья поравнялась с машиной, он спросил ровно:

— Домой?

— В гостиницу, — кивнула она. — Я устала.

Всю дорогу обратно она молчала. Даша тоже молчала — редкость, граничащая с чудом. Только один раз, уже у дверей гостиницы, дочь сказала тихо, но твёрдо:

— Мам. Я не знаю, что с тобой случилось в этом городе. Но ты не обязана с этим справляться одна.

Наталья посмотрела на неё — на девчонку, которая была

ниже её на полголовы, но уже такая взрослая, такая колючая и такая родная. У неё перехватило горло.

— Справлюсь, — сказала она. — Я всегда справляюсь.

— Знаю, — ответила Даша. — Поэтому я волнуюсь.

Они поднялись в номера. Наталья закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и простояла так пять минут, глядя в потолок. Потом достала телефон, нашла в контактах номер, который никогда не удаляла, но никогда не набирала.

Александр Малышов.

Она смотрела на экран, пока он не погас от бездействия. Не позвонила. Не написала.

Просто стояла в пустом гостиничном номере, в городе, который сломал её, и слушала, как за окном шумит ветер в тополях — тех самых, что помнили все.

Глава 4. Первый удар

На следующее утро Наталья вошла в кабинет №24 с таким чувством, будто надевала бронежилет. Глеб уже ждал её с чашкой чёрного чая — без сахара, как она любила, — и стопкой свежих документов.

— Доброе утро, Наталья Васильевна. — Он поставил чашку на край стола. — Два оперативных сообщения. Первое — вчера ночью задержали главу администрации района по подозрению в получении взятки. Материалы уже в следственном комитете, но прокурор края просил вас лично проконтролировать.

— Почему меня? — Наталья взяла чашку, сделала глоток.

— Потому что главу зовут Михаил Юрьевич Пантелеев.

— Глеб выдержал паузу. — Сын того самого, бывшего мэра.

Чашка дрогнула в её руке — на долю секунды, незаметно для постороннего. Но Глеб заметил. Он заметил всё.

— Понятно, — сказала Наталья ровно. — А второе?

— Второе — анонимное. — Он протянул распечатанный лист. — Пришло сегодня утром на служебную почту. Без обратного адреса, без подписи.

Наталья прочла. Пять строк, напечатанных обычным шрифтом:

«Госпожа прокурор. Добро пожаловать домой. У нас в городе не любят тех, кто лезет не в свои дела. Особенно баб. Подумайте о дочери. У неё вся жизнь впереди».

Она прочитала дважды. Трижды. Потом аккуратно положила лист на стол.

— Глеб, — голос её звучал спокойно, даже лениво, но сталь под этим спокойствием чувствовалась за метр. — Отправьте это в отдел по борьбе с экстремизмом. Пусть проверят IP-адрес. Ничего не скрывать, ничего не замалчивать. Зарегистрируйте как угрозу в адрес должностного лица.

— Уже зарегистрировал, — кивнул Глеб. — Вчера в двадцать три ноль-ноль.

Наталья подняла бровь:

— Письмо пришло сегодня утром. Сказали бы, что гадаете.

— Я и не гадаю. — Он чуть склонил голову. — Я работаю на опережение. Если вы не против.

Наталья смотрела на него несколько секунд. Молодой, но не наивный. Исполнительный, но не раболепный. И главное — быстрый. Она таких ценила.

— Не против, — сказала она. — Что по Пантелееву-младшему?

— Задержан вчера в два часа ночи при получении полумиллиона рублей. Факт передачи зафиксирован, понятия есть, видео — тоже. Адвокат уже приехал, очень дорогой из Москвы. Пантелеев отрицает, говорит, что его подставили конкуренты.

— Всех подставляют конкуренты, — усмехнулась Наталья без веселья. — Кто следовательно?

— Майор юстиции Самойлов. Мужик старый, опытный, но — как бы помягче — с понятиями. Семь лет в Ветрогорске, всё про всех знает.

— Понятия — это плохо, — сказала Наталья. — Понятия означают, что он договаривается там, где должен арестовывать. Я хочу быть на допросе.

— Формально вы не имеете права, только как надзирающий прокурор.

— Вот как надзирающий и буду. — Она встала, поправила лацкан пиджака. — Едем.

Следственный комитет размещался в соседнем здании — таком же сером, но более унылом внутри. Коридоры пахли

табаком и дешёвым кофе, на стенах висели объявления о розыске и плакаты «Стоп коррупция!». Наталья прошла к кабинету Самойлова без стука — Глеб открыл дверь перед ней, и она вошла внутрь.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти пяти, с мясистым лицом, маленькими глазами и потёртым пиджаком, который явно помнил ещё прошлого президента. Самойлов поднял голову, увидел Наталью, и его лицо вытянулось.

— Вепрева? — спросил он сипло. — Новый заместитель?

— Наталья Васильевна, — поправила она ледяным тоном.

— По делу Пантелеева. Я буду присутствовать на допросе. Дайте дело.

Самойлов помедлил секунду — слишком долгую, чтобы быть случайной. Потом нехотя протянул папку.

— Оно ещё сырое. Показания не все собраны.

— Тем более. — Наталья взяла папку, открыла. Пробежала глазами. — Почему не назначена экспертиза по видеозаписи? Почему не изъяты телефонные переговоры подозреваемого за последние двое суток? Вы работаете или имитируете бурную деятельность?

Самойлов побагровел, но смолчал. В углу комнаты, прикрыв дверь, стоял Глеб — тихо, незаметно, но с таким видом, будто готов в любую секунду подстраховать. Наталья почувствовала это и чуть расслабила плечи.

— Ведите, — сказала она.

Допрос Пантелеева проходил в комнате №3 — стериль-

но-белой, с видеокамерой под потолком и большим зеркалом, за которым, как она знала, могли сидеть наблюдатели. Михаил Юрьевич Пантелеев — сорока пяти лет, ухоженный, с дорогим пиджаком и часами за сто тысяч долларов — сидел на стуле с таким видом, будто пришёл на деловую встречу, а не давать показания. Рядом с ним — адвокат в идеальном костюме, явно из столичных.

— Доброе утро, — сказала Наталья, садясь напротив. — Я заместитель прокурора края Наталья Васильевна Вепрева. Буду надзирать за ходом следствия. У вас есть что сказать по существу предъявленного обвинения?

Пантелеев посмотрел на неё с лёгким удивлением — таким, какое бывает у человека, который видит перед собой не то, что ожидал. Он явно ждал мужика. Или кого-то помягче.

— Меня подставили, — сказал он спокойно, почти лениво. — Я человек публичный. Врагов много. Кто-то решил заказать меня конкуренты, наверное.

— Назовите конкретные фамилии.

— Не готов.

— Понятно. — Наталья повернулась к Самойлову: — Иван Сергеевич, вопрос к вам. Почему подозреваемый не помещён под стражу?

Самойлов заёрзал.

— Оснований нет. Он не скроется, у него семья, бизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.